

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'33:070(460)
doi 10.17072/2073-6681-2024-3-5-14
<https://elibrary.ru/vmlokv>

EDN VMLOKV

Испанская конкиста как культурная травма: легитимация травмирующего события в испанской прессе

Горностаева Юлия Андреевна

к. филол. н., доцент кафедры теории германских
и романских языков и прикладной лингвистики

Сибирский федеральный университет

660041, Россия, г. Красноярск, просп. Свободный, 82. yulyatald@yandex.ru

SPIN-код: 8680-9639

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Статья поступила в редакцию 10.11.2023

Одобрена после рецензирования 22.02.2024

Принята к публикации 10.03.2024

Информация для цитирования

Горностаева Ю. А. Испанская конкиста как культурная травма: легитимация травмирующего события в испанской прессе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 5–14. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-5-14

Аннотация. В статье рассматривается процесс легитимации конкисты в испанском массмедийном политическом дискурсе. Усилившиеся в последнее время споры вокруг оправданности испанской колонизации, а также активно разворачивающийся процесс делегитимации данного исторического события в латиноамериканских СМИ обуславливают актуальность настоящего исследования. Научная новизна работы определяется анализом культурной травматизации и легитимации как взаимосвязанных социологических процессов, находящих свою языковую репрезентацию в испанском политическом дискурсе СМИ. Исследование выполнено на материале отрывков письменного и устного дискурса испанских политиков и общественных деятелей, легитимирующих данное травмирующее событие. Методология работы включает дискурсивный анализ стратегий легитимации, лексико-семантический анализ, контекстный и коммуникативный анализ. В ходе работы было установлено, что процесс легитимации конкисты ярче всего проявляется на стадии теоризации объекта легитимации с целью объективации ее адекватности и реализуется посредством стратегии моральной оценки и актуализирующей ее субстратегии аналогии: в красках описываются нелицеприятные факты империализма ацтеков, происходит отсылка к британскому, арабскому и голландскому завоеваниям, целесообразность которых не ставится обществом под сомнение. При рационализации конкисты с помощью субстратегии предсказания и субстратегии, ориентированной на результат, указываются потенциальные негативные последствия отсутствия испанского завоевания, а также перечисляются блага цивилизации, которые появились на завоеванной территории после прихода колонизаторов. На стадии продвижения реализуется стратегия апелляции к авторитету – приводятся мнения авторитетных политических и общественных деятелей и исторических фигур, легитимирующих конкисту, которые отрицают все обвинения и необходимость приносить извинения бывшим колониям. На стадии окончательного укоренения конкиста становится привычным социальным контекстом.

Ключевые слова: культурная травма; травмирующее событие; легитимация; медиарепрезентация; испанская конкиста.

Введение

Испанское завоевание оставило неизгладимый след в исторической памяти всех испаноязычных народов и по сей день вызывает споры и обсуждения в средствах массовой информации и в политическом дискурсе, представляя несомненный научный интерес для историков, политологов, социологов и лингвистов. Открытие Нового Света стало знаковым событием для всего человечества и повлекло за собой целый ряд кардинальных социальных изменений – как положительных, связанных с испанским языком и культурой, открытием университетов и больниц на завоеванных территориях, так и отрицательных, обусловленных желанием конкистадоров поработить местное население, разграбить природные ресурсы, обогатиться и во что бы то ни стало закрепить власть испанской короны в Латинской Америке. Исторически сложившиеся отношения между Испанией и бывшими колониями, несмотря на единство языка и многих культурных и социальных аспектов, нельзя назвать гладкими. Многие годы растет напряжение, новые наименования и смыслы приобретает традиционно отмечаемый 12 октября всеми испаноязычными странами День испанской нации, а латиноамериканскими политиками всё чаще поднимается вопрос о моральной стороне испанского завоевания, придании огласке жестоких и шокирующих фактов массового убийства коренного населения, его дискриминации и порабощения. Так, испанская конкиста имеет все следы травмирующего события, которое привело к формированию культурной травмы и стало активно делегитимироваться латиноамериканскими медиа в попытках призвать Испанию к ответственности и заставить принести извинения. В ответ на это в испанском политическом медиа опосредованном пространстве развернулся процесс легитимации колонизации и отрицания предъявляемых латиноамериканской правящей элитой обвинений.

Настоящее исследование реализовано в русле сразу двух научных концепций, разрабатываемых отечественными и зарубежными языковедами: теория культурной травмы и теория легитимации.

Новизна исследования обусловлена тем, что впервые культурная травматизация и легитимация исследуются как взаимосвязанные социологические процессы. Так, конкиста как травмирующее событие рассматривается в качестве объекта легитимации. **Объектом** исследования является языковая репрезентация культурной травмы в испанском политическом дискурсе

СМИ, разворачивающаяся в рамках легитимации травмирующего события, а **предметом** – стратегии и тактики легитимации конкисты и актуализирующие их языковые единицы.

Актуальность работы определяется, с одной стороны, развернувшимися в последнее время дебатами относительно того, должна ли Испания просить прощения у бывших колоний за конкисту, с другой – растущим числом научных исследований, связанных с изучением процесса языковой легитимации социальных феноменов и политических персоналий в СМИ.

Теоретическая значимость исследования обусловлена новым комплексным междисциплинарным подходом к интерпретации массмедийных текстов, который подразумевает использование методологического инструментария социологических и политологических наук – теорию культурной травмы и легитимацию. Так, становится возможным углубить имеющиеся знания в области механизмов речевого воздействия на массового адресата и разработать эффективные стратегии противостояния этому воздействию.

Материал и методы

Материал исследования включает фрагменты письменного (около 30 000 знаков из периодических изданий El País, El Mundo, France24, Proceso, Telemadrid) и устного (общей продолжительностью 5 ч 35 мин, интервью и выступления, извлеченные из видеохостинга YouTube) дискурса в СМИ известных представителей испаноязычной лингвокультуры, повествующих об испанском завоевании и легитимирующих данное травмирующее событие. Среди участников анализируемого дискурса – следующие персоналии: академик, аналитик, специалист по международным отношениям Марсело Гульо, король Испании Филипп VI, председатель правительства Испании Педро Санчес, вице-президент правительства Испании Кармен Кальво, философ, юрист и профессор Антонио Эскоотадо и др. Повествующие настаивают на том, что Испания не должна просить прощения у бывших колоний за конкисту, а также приводят множественные аргументы в пользу целесообразности и большой исторической значимости испанского завоевания для развития Латинской Америки.

Исследование реализовано посредством дискурсивного анализа стратегий легитимации, лексико-семантического анализа, контекстного и коммуникативного анализа, а также общенаучных методов систематизации и классификации.

Культурная травма и легитимация как взаимопроникаемые динамические процессы

Культурная травма и легитимация – это динамические процессы. Если культурная травма – это исторический опыт народа, испытавшего на себе последствия травмирующего события [Alexander 2004], представляющий собой травматическую динамично развивающуюся последовательность [Sztompka 2000], то легитимация является собой процесс конструирования альтернативной социальной реальности [Johnson, Dowd, Ridgeway 2006], удобной для правящей элиты, которая нередко может отличаться от реальности исторической.

О взаимопроникновении процессов легитимации и культурной травматизации уже писали социологи и лингвисты, разрабатывающие теорию культурной травмы. Так, П. Штомпка утверждал, что в процессе получения культурной травмы на этапе культурного шока происходит делегитимация фундаментальных ценностей культуры, основ идентичности и коллективной гордости [Sztompka 2000]. Историки, в свою очередь, говорят о том, что для легитимации доминирования испанской короны в европейском обществе было достаточно одного лишь факта открытия Америки и ее захвата, поскольку языческое коренное население с его диковинными обычаями и социальным строем воспринималось европейцами как нечто чужеродное, а значит – неправильное [Роблес Эррера, Малинко 2018: 95]. Таким образом, легитимировалось навязывание католической веры, испанского уклада жизни и языка, привезенного колонизаторами на захваченные территории.

В рамках настоящего исследования культурная травма определяется как «эмпирическая научная концепция, предполагающая новые значимые и причинно-следственные отношения между ранее не связанными событиями, структурами, восприятиями и действиями» [Alexander 2004: 12], агрессивное событие, разрушающее один или несколько важнейших компонентов культуры и общества [Smelser 2004]. Культурная травма неизбежно приводит к изменениям в социальной структуре сплоченной группы людей [Eyerman 2001], когда подрывается преобладающее чувство общности [Sztompka 2000], в случае с испанской конкистой – коренных народов завоеванных территорий.

Память о травмирующем событии является культурно значимой для народа. Это событие запоминается как чрезвычайно разрушительный и проблематичный коллективный опыт и, наряду со всеми сопутствующими негативными эмоци-

ями, является фактором формирования коллективной идентичности народа [Smelser 2004], которая служит каркасом для определения коллективной культуры, поэтому, как мы полагаем, представители латиноамериканских стран не идентифицируют себя с испанской нацией, ведь последствия культурной травмы и связанные с ними отрицательные переживания, скорее, определяют их особую (неиспанскую) коллективную идентичность как колонизированной социальной группы.

В настоящее время целесообразно также говорить о так называемой медиарепрезентации травматического процесса – опосредованном переживании событий через телевидение, интернет-издания, прессу, которые создают временную и пространственную дистанцию между событием и его переживанием [Eyerman 2001]. Так, в массмедийном пространстве травматический процесс всегда приобретает новые возможности языкового выражения, обрывает новыми смыслами, видоизменяется в соответствии с целью, которую преследуют СМИ. Открываются безграничные возможности для драматизации травмирующего события, его вольной интерпретации, что, в свою очередь, оказывает манипулятивное воздействие на широкую аудиторию, конкуренция за которую также во многом определяет градус накала и количество преувеличений и искажений в нарративах СМИ [Alexander 2004]. Массово-опосредованный опыт – это избирательное конструирование, зависящее от решения профессионалов [Eyerman 2001].

Мы полагаем, что подобное избирательное конструирование травмирующего события всегда обусловлено целью, которую преследуют журналисты и власть, оно реализуется в «нужном» для них направлении с намеренным искажением исторических фактов и подчеркиванием угодных правящей элите подробностей, очерняющих репутацию «чужих». Так, испанская конкиста как травмирующее событие, легитимность которого всё чаще ставится под сомнение, снова стала объектом легитимации в современном испанском массмедийном пространстве.

Легитимация традиционно рассматривается исследователями как «дискурсивная стратегия конструирования легитимности» [Vaara, Tienari 2008: 985; Колмогорова 2018: 34], процесс формирования положительного образа политика, социально значимого феномена или института в дискурсивном пространстве [Screti 2013: 212], в ходе которого происходит его принятие обществом [Deerhouse, Suchman 2008]. В процессе легитимации какой-либо социальный феномен становится приемлемым, начинает соответство-

вать ценностной системе общества [Suchman 1995: 573].

М. Вебер подчеркивает, что легитимность власти и других ключевых социальных феноменов обеспечивает стабильную внутривластную обстановку [Вебер 1990]. Испанская конкиста как культурная травма, напротив, приводит к дестабилизации социума, потере культурной идентичности, происходящей в силу утраты легитимности ключевых событий, обусловивших ход развития мировой истории, поэтому всё чаще становится объектом легитимации ведущих испанских историков, политиков и политологов, стремящихся заново вписать колонизацию в систему демократических и гуманных ценностей современного испанского общества.

В ходе исторического развития и пропаганды идей свободы и равенства этносов, неприкосновенности суверенитета всех государств испанская колонизация постепенно утрачивает свою когнитивную и моральную легитимность (в терминологии Марка Сачмана [Suchman 1995]). Таким образом, конкиста как объект легитимации (вторичной) вынуждена заново проходить все стадии установления легитимности: 1) стадию теоризации (распространение знаний о полезности, рентабельности, адекватности объекта легитимации для выхода из какой-либо сложной ситуации); 2) стадию продвижения (создание позитивного отношения к объекту легитимации за счет включения в ценностную картину мира социума посредством СМИ, государства, общественных институтов); 3) стадию окончательного укоренения (объект легитимации становится нормальной частью общего социального контекста) [Tolbert, Zucker 1996: 181].

Проблема легитимации политических персоналий и социальных институтов в испанских средствах массовой информации уже освещалась некоторыми учеными-лингвистами [Barrera 1994; Montero 2015; Zugasti 2006; Колмогорова, Горностаева 2021б]. Так, например, о легитимации испанского института монархии, утратившего свою легитимность в связи с неподобающим поведением экс-короля Испании Хуана Карлоса I, мы писали ранее [Колмогорова, Горностаева 2021а].

Легитимация испанской конкисты в испанском массмедийном пространстве: результаты и обсуждение

Процесс легитимации конкисты в испанских СМИ в основном разворачивается на первых двух стадиях установления легитимности. Так, мы уже писали ранее, что на стадии теоризации происходит легитимация адекватности объекта легитимации (конкисты) посредством огласки нелицеприятных фактов действительности, в ко-

торой жили завоеванные племена: описываются кровавые картины каннибализма, убийства детей, нападения одного племени на другое с целью использования его членов в качестве пищи. Конкиста позиционируется как освобождение подвергшихся нападению племен, спасение тысяч невинных жертв и выход из чудовищной ситуации.

Легитимация на стадии теоризации реализована посредством нескольких легитимирующих стратегий. Приведенные ниже примеры 1–5 репрезентируют актуализацию стратегии моральной оценки (в терминологии Т. ван Левена [Leeuwen 2008]), дискредитирующей уклад жизни коренных народов завоеванных территорий, на которых процветали каннибализм, насилие и массовые убийства. На языковом уровне стадия теоризации проявляется в виде лексических единиц, описывающих поедание человеческой плоти (*comerse la carne humana, carnicería*) и другие насильственные действия членов одного племени по отношению к членам другого племени или даже собственным детям (*capturar, hacer tener muchos hijos, matar, sacrificar, perseguir, exterminar, dominar, quitar*). Люди, проживающие на подвластных ацтекам территориях, сравниваются с домашним скотом (*como si fuera un cerdo, un pollo*), мясо которых используется в рационе, обрабатывается и консервируется – сушится или вялится, а из кожи производятся различные изделия (*tienen bolsos de piel de mujeres matadas*). Моральная оценка сложившегося уклада жизни ацтеков и их самих выражается посредством таких оценочных номинаций и словосочетаний, как: *el imperialismo feroz* (свиный империализм), *imperialismo más macabro de la historia de la humanidad* (самый жуткий империализм в истории человечества), *monstruos* (монстры), *sadismo* (садизм), *locos* (сумасшедшие), *lo que reinaba en América era el infierno* (у власти в Америке находились правители из ада), *la sociedad más monstruosa* (самое чудовищное общество).

Нередко употребляются словосочетания с лексемой *sangre* (кровь): *tienen las manos manchadas en sangre* (руки, испачканные в крови), *un baño de sangre* (кровавая ванна), *mancha de sangre* (пятно крови).

(1) *En Colombia había distintas naciones o tribus, una de estas naciones es pijao <...> estos buenos muchachos se dedicaban a atacar a un tribu chicha intentaban a matar a todos los hombres para comérselos. Su principal alimento fue la carne humana. No mataban a las mujeres menores de cuarenta años. A las mujeres las capturaban y hacían tener muchos hijos y cuando ese hijo cumplía doce años, el hijo de ellos mismos, ellos lo sacrificaban y lo comían como si fuera un cerdo,*

un pollo. На территории Колумбии жили разные народы и племена, один из таких – пихао. Эти «хорошие» ребята занимались тем, что **нападали** на племя чича, пытались **убить всех мужчин, чтобы съесть их**. Их основной пищей было **человеческое мясо**. Они не убивали женщин моложе сорока лет. Они **вылавливали их и заставляли рожать множество детей**, и когда ребенку – их собственному ребенку – исполнялось 12 лет, они **приносили его в жертву и съедали, как если бы он был свиной или курицей** (Marcelo Gullo: «Nada por lo que pedir perdón»).

(2) *La antropofagia y el canibalismo de los tupí. Perseguió a otras tribus también casi hasta exterminarlas*. Антропофагия и каннибализм тупи, которые тоже преследовали другие племена, почти полностью **истребив их** (Marcelo Gullo: «Nada por lo que pedir perdón»).

(3) *Es el imperialismo feroz, el imperialismo azteca que es el único estado en historia de la humanidad que se dedicó a dominar otros pueblos para quitarles sus seres queridos, sus padres, sus hijos, para llevarlo a un altar y comérselo y distribuir la carne en carnicería como si fuesen cerdos o pollos*. Это **свиный империализм**, империализм ацтеков, построивших единственное государство в истории человечества, целью которого было установление **доминирования над другими народами**, обусловленное желанием отобрать у них родных и близких, родителей и детей, **чтобы положить их на алтарь и съесть, отправить плоть убитых в мясные лавки**, будто бы они свиньи или куры (Marcelo Gullo: «Nada por lo que pedir perdón»).

(4) *¿Le gustaría una cultura como la azteca? ¿Deberíamos recordar al señor obrador que tenían 18 fiestas de guardar cada año con sacrificios humanos? ¿Deberíamos recordar al señor Obrador que Tlaloc, el dios de la lluvia, había que inmolarle criaturas con menos de un año? Los aztecas no solo se sacrificaban una mediana de 50.000 personas al año, sino que se los comían. La sociedad más monstruosa que los tiempos recuerdan. Con mucha diferencia, mucho peor que la espartana, es la azteca. Eso el señor López Obrador o no lo sabe o lo quiere ocultar. Me parece una miseria y una maldad*. Вы хотели бы культуру, подобную ацтекской? Стоит ли нам напомнить господину Обрадору, что ежегодно ацтеки отмечали 18 праздников с **жертвоприношением**? Стоит ли нам напомнить господину Обрадору, что богу дождя Тлалоку **приносили в жертву** существ возрастом младше одного года? Ацтеки не просто **приносили в жертву** в среднем 50000 человек в год, они **ели их**! Это было **самое чудовищное** общество за всю историю человечества! Ацтеки **намного хуже** спартанцев! Господин

Лопес Обрадор либо не знает фактов, либо хочет их скрыть. Лично мне все это кажется **убогим и порочным!** (Antonio Escotado: «¿Debe España pedir perdón por la conquista de México?» 15.11.2022).

В подобной медиарепрезентации травмирующего события зашкаливает градус накала, удобные события еще больше драматизируются, а на их фоне объект легитимации обретает большую легитимность. Конкиста квалифицируется как национальная война за освобождение угнетенных ацтеками народов, призванная разрушить чудовищный империализм ацтеков (пример 5).

(5) *Es una guerra nacional de liberación de los pueblos oprimidos por los aztecas que marchan junto con Cortés para derrotar el imperialismo más macabro de la historia de la humanidad que era el imperialismo azteca*. Это **национальная война за освобождение угнетенных ацтеками народов**, которые объединились под командованием Кортеса, чтобы уничтожить **самый жуткий империализм** в истории человечества – империализм ацтеков (Marcelo Gullo: «Nada por lo que pedir perdón»).

Посредством субстратегии аналогии, актуализируемой в рамках стратегии моральной оценки, аргументируется целесообразность принятия объекта легитимации: приводятся некоторые его свойства, сходные с характеристиками другого – легитимного с точки зрения социума – объекта [Van Leeuwen 2008].

Проводятся аналогии с другими завоеваниями, целесообразность и необратимость которых не ставится под сомнение большей частью мирового сообщества – британское, арабское, голландское. При этом можно сказать, что легитимация испанского завоевания происходит через делегитимацию других исторических событий, что на языковом уровне актуализируется посредством лексических единиц, вербализующих жестокость, несправедливость и дискриминацию (примеры 6–8).

(6) *¿Quién critica en ensayos, en libros de divulgación la conquista árabe de Mesopotamia de lo que hoy es Irak por los ríos Éufrasis y Tigris donde los cronistas árabes dicen que esos ríos se cubrieron de sangre? <...> ¿Quién critica la conquista árabe musulmana de Alejandría donde aproximaron la ciudad y quemaron la biblioteca de Alejandría? ¿Quién critica la conquista musulmana otomana de Constantinopla donde cuando entraron a la ciudad les cortaron la cabeza al emperador y la emperatriz y las colgaron de la Muralla?* Почему никто в эссе и книгах не критикует **арабское завоевание Месопотамии** на территории современного Ирака в долине Тигра и Евфрата, кото-

рые, по словам арабских летописцев, **были залиты кровью?** <...> Почему никто не критикует завоевание арабами Александрии, которые подошли к городу и **сожгли Александрийскую библиотеку?** Почему никто не критикует османское завоевание Константинополя, когда мусульмане, войдя в город, **отрубили головы императору и императрице и повесили их на стене?** (Marcelo Gullo: «Nada por lo que pedir perdón»).

(7) *Hay papers como dicen los anglosajones o trabajos científicos o pequeños articulitos pero ningún libro que critique a fondo la conquista holandesa de Indonesia. Es decir los holandeses fueron a Indonesia y fueron como Atila donde ellos se quedaron hasta después de la Segunda Guerra Mundial. No construyeron una escuela, una universidad, un hospital, ni un jardín de infantes, es decir sin embargo nadie critica de forma masiva con libros de difusión la conquista holandesa de Indonesia.* Англосаксы говорят, что есть документы, или научные труды, или малюсенькие статейки, в которых критикуется голландское завоевание Индонезии, но почему до сих пор не появилось ни одной книги об этом. Ведь голландцы подобно Атилe отправились в Индонезию и оставались там до окончания Второй мировой войны. Они не построили там ни одной школы, ни одного университета, ни одной больницы, ни одного детского сада, но почему-то никто массово не критикует в книгах голландское завоевание Индонезии (Marcelo Gullo: «Nada por lo que pedir perdón»).

(8) *Como nadie critica la conquista inglesa de Australia <...>, le pusieron tierra nulisis, tierra sin habitantes. ¿Y por qué los pusieron dentro de la flora y fauna? Porque lo que querían en realidad era exterminarlos y de hecho en Tasmania cometieron el genocidio más grande de la historia de la humanidad porque en Tasmania del genocidio que hicieron los ingleses sólo sobrevivió una mujer, pero nadie critica esto.* Никто не критикует британское завоевание Австралии <...>, они дали им необитаемую землю. Зачем они поместили их в дикую флору и фауну? **Потому что на самом деле они хотели истребить их, фактически в Тасмании англичане устроили самый масштабный геноцид в истории человечества, после которого в живых осталась только одна женщина,** но никто не критикует это (Marcelo Gullo: «Nada por lo que pedir perdón»).

Нередко эксперты задаются вопросом, почему никто не требует извинений от Франции, Германии или Голландии.

На стадии продвижения реализуется стратегия апелляции к авторитету – влиятельным политическим фигурам, историкам и другим реле-

вантным персоналиям, легитимирующим испанское завоевание.

Так, испанские журналисты ссылаются на мнение представителей испанской политической элиты, цитаты которых включаются в испанский массмедийный политический дискурс и актуализируют идею о том, что Испании не за что просить прощения (примеры 9–10).

(9) «*El Rey no tiene que pedir perdón a ningún país*», **recalcó** la vicepresidenta del Gobierno, **Carмен Calvo**, a preguntas de los periodistas. «Король не должен просить прощения ни у одной страны», – **подчеркнула** вице-президент правительства **Кармен Кальво**, отвечая на вопросы журналистов (La Vanguardia, 26.03.2019).

(10) *Pedro Sánchez, además de lamentar que se haya hecho pública la carta, puntualizó en un comunicado que «la llegada, hace quinientos años, de los españoles a las actuales tierras mexicanas no puede juzgarse a la luz de consideraciones contemporáneas».* **Педро Санчес** в своем заявлении выразил сожаление о том, что письмо было обнародовано, а также **добавил**, что факт прихода испанцев 500 лет назад на территорию современной Мексики не может оцениваться в парадигме современных ценностей (Diario del Alto Aragón, 27.03.2019).

Испанская конкиста категоризируется и концептуализируется посредством стратегии рационализации, которая актуализируется через субстратегию предсказания и субстратегию, ориентированную на результат.

Посредством субстратегии предсказания отсутствие конкисты как бы помещается в будущий негативный социальный контекст, предсказываются потенциальные пагубные последствия, которые могли бы иметь место быть, если бы Колумб не открыл Америку. Так, например, испанские СМИ пишут о потенциальном исчезновении племени чичу (пример 11).

(11) *Si España no hubiese llegado a Colombia, la nación chichu se hubiese distinguido.* Если бы Испания не вошла на территорию Колумбии, чичу исчезли бы с лица земли (Marcelo Gullo: «Nada por lo que pedir perdón»).

Субстратегия, ориентированная на результат, внутри стратегии рационализации может быть выражена формулой «Y – это результат X'a» (X – это объект легитимации, конкиста) и актуализируется посредством упоминания заслуг испанцев на латиноамериканской земле, которые были осуществлены во время колонизации. Так, король Испании Филипп VI говорит о заслугах испанской короны в эпоху колонизации, которые он категоризирует как культурное наследие (пример 12):

(12) *La fundación de estas ciudades implicó la creación de instituciones de gobierno, la construcción de universidades, escuelas, hospitales, imprentas. España trajo consigo su lengua, su cultura, su credo, y con todo ello aportó valores y principios como las bases del derecho internacional, o la concepción de los derechos humanos universales.* Основание этих городов повлекло за собой создание государственных учреждений, строительство университетов, школ, больниц и ти-

пографий. Испания принесла с собой свой язык, культуру, веру и при этом передала ценности и принципы международного права и концепцию универсальных прав человека (Libertad Digital, El Rey defiende el legado español en América en el 500 aniversario de San Juan de Puerto Rico, 26.01.2022).

Другие примеры вербализации субстратегии, ориентированной на результат, представлены в таблице.

Примеры вербализации субстратегии, ориентированной на результат, в рамках стратегии рационализации
Examples of verbalization of a result-oriented substrategy within the framework of a rationalization strategy

Пример на испанском	Перевод	Комментарий
<i>España fundó 33 universidades en América</i>	Испания основала 33 университета в Америке	Испания внесла значительный вклад в систему образования ЛА
<i>Hospitales gratuitos para pobres, ricos, indios, mestizos</i>	Бесплатные больницы для бедных, богатых, индейцев, метисов	Подчеркивается вклад Испании в создание системы бесплатного здравоохранения в ЛА посредством прилагательного <i>gratuito</i> , а также равенство всех слоев общества и национальностей с помощью перечисления этнонимов и антонимов <i>ricos-pobres</i>
<i>Mejores discípulos de Salamanca enseñaron a esos mestizos e indios</i>	Лучшие учителя Саламанки обучали метисов и индейцев	Посредством оценочного прилагательного в превосходной степени <i>mejores</i> подчеркивается квалификация педагогических кадров, отправленных в ЛА
<i>Tenía un sistema de becas fabuloso</i>	Там была великолепная стипендиальная система	Посредством оценочного прилагательного <i>fabuloso</i> описывается созданная испанцами стипендиальная система
<i>España les dio su ser, lo mejor que tenía</i>	Испания дала им всю себя, лучшее, что имела	Метафорическое выражение и прием олицетворения указывают на жертвенность колонизатора и желание поделиться лучшим с народами завоеванных территорий
<i>Cuando el Colegio de san Pablo tenía 5000 libros, Harvard tenía apenas 400</i>	Когда в колледже Сан-Пабло было насчитывалось 5000 книг, в Гарварде было всего 400	Посредством параллелизма обозначается превосходство созданной испанцами в ЛА материальной базы над ведущими образовательными учреждениями мира
<i>Creación de las repúblicas plurinacionales</i>	Создание многонациональных республик	Посредством прилагательного <i>plurinacionales</i> делается акцент на равенстве всех национальностей ЛА, которое было достигнуто в процессе колонизации

На стадии окончательного укоренения объект легитимации становится нормальной частью социального контекста. Так, в случае с испанским завоеванием данное событие в книгах и учебниках по истории позиционируется как величайшее географическое открытие, Христофор Колумб называется героем, ежегодно отмечается День испанской нации.

Выводы и заключение

Легитимация испанской колонизации в масмедийном испанском дискурсе преимущественно разворачивается на стадии теоризации с целью объективации ее адекватности и реализуется посредством стратегии моральной оценки и актуа-

лизирующей ее субстратегии аналогии. Так, благодаря реализации субстратегии моральной оценки конкиста позиционируется как война за освобождение народов, угнетенных ацтеками, жуткий уклад жизни которых в подробностях описывается в испанских СМИ: насилие по отношению к другим племенам, каннибализм, убийства детей и другие нелицеприятные факты империализма ацтеков. При актуализации субстратегии аналогии происходит отсылка к другим мировым завоеваниям, целесообразность которых обычно не ставится обществом под сомнение, что, в свою очередь, позволяет обосновать необходимость принятия испанского завоевания ввиду его сходства с британским, арабским и голландским.

Конкиста рационализируется с помощью субстратегии предсказания и субстратегии, ориентированной на результат. Так, в испанском политическом массмедийном пространстве приводятся потенциальные негативные последствия, которые могли бы возникнуть при отсутствии испанского завоевания. Среди них упоминается полное истребление некоторых племен, укрепление аморального с точки зрения современных прав и свобод образа жизни майя и ацтеков, отсутствие благ, которые испанцы привезли на территорию современной Латинской Америки. Субстратегия, ориентированная на результат, придает испанскому завоеванию законность, проигрывая формулу «Y – это результат X'a», где X – это конкиста: перечисляются блага цивилизации, которые появились на завоеванной территории после прихода колонизаторов.

В дальнейшем конкиста как объект легитимации проходит стадии продвижения и окончательного укоренения. На стадии продвижения реализуется стратегия апелляции к авторитету – приводятся мнения авторитетных политических и общественных деятелей, легитимирующих конкисту и отрицающих все обвинения и необходимость приносить извинения бывшим колониям.

Теория культурной травмы применима в рамках исследований, направленных на выявление негативных последствий, возникших в результате дезорганизации и несогласованности социокультурной системы общества, а исследование легитимации позволяет проанализировать процесс установления законности событий, ставших причиной данной социокультурной разобщенности.

Результаты работы могут быть использованы в рамках курсов по страноведению и истории Испании и Латинской Америки, а также в лингвистических исследованиях, направленных на изучение языковой репрезентации процесса культурной травматизации и легитимации какого-либо социокультурного феномена.

В качестве перспектив дальнейшей исследовательской работы можно отметить возможность изучения набирающего обороты обратного легитимации процесса – делигитимации конкисты – в современном латиноамериканском массмедийном пространстве.

Список литературы

Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Колмогорова А. В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 33–40.

Колмогорова А. В., Горностаева Ю. А. Всё ли могут короли? или Стратегии легитимации испанской монархии в политическом медиадискур-

се СМИ // Политическая лингвистика. 2021б. № 1. С. 41–49. doi 10.12345/1999-2629_2021_01_04

Колмогорова А. В., Горностаева Ю. А. Дискурсивная специфика эмоциональной легитимации монархии в испанских СМИ // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021а. № 3. С. 79–94. doi 10.25688/2076-913X.2021.43.3.08

Роблес Эррера А., Малинко Д. А. Конкиста: влияние на развитие Латинской Америки // Актуальные проблемы экономики и управления. 2018. № 2(18). С. 93–99.

Alexander J. C. Toward a Theory of Cultural Trauma // A Cultural Trauma and Collective Identity. California: University of California Press, 2004. P. 1–30.

Alexander J. C. Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of 'Holocaust' and other mass murders // Thesis Eleven: SAGE Journals. 2016. Vol. 132(1). P. 3–16.

Barrera C. La prensa española ante la designación de Don Juan Carlos como sucesor de Franco a título de rey // Communication & Society. 1994. Vol. 7. № 1. P. 93–109.

Deephouse D., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism // Sage handbook of organizational institutionalism. London: Sage, 2008. P. 49–77.

Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 316 p.

Johnson C., Dowd T. J., Ridgeway C. L. Legitimacy as a social process // Annual Review of Sociology. 2006. Vol. 32. P. 53–78.

Leeuwen T. Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2008. 184 p.

Montero L. El día más difícil del rey. Discursos de legitimación monárquica desde la ficción televisiva // Revista de Historia Actual. 2015. Vol. 12. P. 43–50.

Screti F. Defending Joy against the Popular Revolution: legitimization and delegitimation through songs // Critical Discourse Studies. 2013. Vol. 10(2). P. 205–222.

Smelser N. J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // A Cultural Trauma and Collective Identity. California: University of California Press, 2004. P. 31–59.

Suchman M. C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // Academy of Management Review. 1995. Vol. 20(3). P. 571–610.

Sztompka P. Cultural Trauma: The Other Face of Social Change // The European Journal of Social Theory. 2000. Vol. 3(4). P. 449–466.

Tolbert P. S., Zucker L. G. The institutionalization of institutional theory // Handbook of Organization Studies. 1996. P. 175–190.

Vaara E., Tienari J. A discursive perspective on legitimization strategies in multinational corporations // *Academy of Management Review*. 2008. Vol. 33. P. 985–993.

Zugasti R. La prensa de la transición como cómplice de Juan Carlos I: el ejemplo de la legitimidad franquista de la Monarquía // *Espacio, Tiempo y Forma. Serie V: Historia Contemporánea*. 2006. Vol. 18. P. 299–319.

References

Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Transl. from German. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russ.)

Kolmogorova A. V. *Legitimatsiya kak sotsiopoliticheskiy fenomen i ob"ekt diskurs-analiza* [Legitimation as a societal phenomenon and as an object of discourse analysis]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2018, issue 1, pp. 33–40. (In Russ.)

Kolmogorova A. V., Gornostaeva Yu. A. Vse li mogut koroли? ili Strategii legitimatsii ispanskoy monarkhii v politicheskom mediadiskurse SMI [Legitimation of the Spanish Monarchy in the Political Media Discourse: The Strategy of Appeal to Authority and Polyphony of Voices]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2021b, issue 1, pp. 41–49. doi 10.12345/1999-2629_2021_01_04. (In Russ.)

Kolmogorova A. V., Gornostaeva Yu. A. Diskursivnaya spetsifika emotsional'noy legitimatsii monarkhii v ispanskikh SMI [Discursive specificity of the emotional legitimization of the monarchy in the Spanish media]. *Vestnik MGPU. Seriya 'Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie'*. [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2021a, issue 3, pp. 79–94. (In Russ.)

Robles Herrera A., Malinko D. A. Konkista: vliyanie na razvitie Latinskoy Ameriki [The conquest of Latin America and its influence on the development of Latin America]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya* [Current Issues of Economics and Management], 2018, issue 2(18), pp. 93–99. (In Russ.)

Alexander J. C. Toward a theory of cultural trauma. *A Cultural Trauma and Collective Identity*. California, University of California Press, 2004, pp. 1–30. (In Eng.)

Alexander J. C. Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of 'Holocaust' and

other mass murders. *Thesis Eleven: SAGE Journals*, 2016, vol. 132(1), pp. 3–16. (In Eng.)

Barrera C. La prensa española ante la designación de Don Juan Carlos como sucesor de Franco a título de rey. *Communication & Society*, 1994, vol. 7, issue 1, pp. 93–109. (In Sp.)

Deepphouse D., Suchman M. Legitimacy in organizational institutionalism. *Sage Handbook of Organizational Institutionalism*. London, Sage, 2008, pp. 49–77. (In Eng.)

Eyerman R. *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African Identity*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 316 p. (In Eng.)

Johnson C., Dowd T. J., Ridgeway C. L. Legitimacy as a social process. *Annual Review of Sociology*, 2006, vol. 32, pp. 53–78. (In Eng.)

Leeuwen T. *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford, Oxford University Press, 2008. 184 p. (In Eng.)

Montero L. El día más difícil del rey. Discursos de legitimación monárquica desde la ficción televisiva. *Revista de Historia Actual*, 2015, vol. 12, pp. 43–50. (In Sp.)

Screti F. Defending joy against the popular revolution: Legitimation and delegitimation through songs. *Critical Discourse Studies*, 2013, vol. 10(2), pp. 205–222. (In Eng.)

Smelser N. J. Psychological trauma and cultural trauma. *A Cultural Trauma and Collective Identity*. California, University of California Press, 2004, pp. 31–59. (In Eng.)

Suchman M. C. Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches. *Academy of Management Review*, 1995, vol. 20(3), pp. 571–610. (In Eng.)

Sztompka P. Cultural trauma: The other face of social change. *The European Journal of Social Theory*, 2000, vol. 3(4), pp. 449–466. (In Eng.)

Tolbert P. S., Zucker L. G. The institutionalization of institutional theory. *Handbook of Organization Studies*, 1996, pp. 175–190. (In Eng.)

Vaara E., Tienari J. A discursive perspective on legitimization strategies in multinational corporations. *Academy of Management Review*, 2008, vol. 33, pp. 985–993. (In Eng.)

Zugasti R. La prensa de la transición como cómplice de Juan Carlos I: el ejemplo de la legitimidad franquista de la Monarquía. *Espacio, Tiempo y Forma. Serie V: Historia Contemporánea*, 2006, vol. 18, pp. 299–319. (In Sp.)

Spanish Colonization as a Cultural Trauma: Legitimation of the Traumatic Event in the Spanish Press

Yulia A. Gornostaeva

Associate Professor in the Department of Germanic
and Romance Languages and Applied Linguistics

Siberian Federal University

82, prospekt Svobodny, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. yulyatald@yandex.ru

SPIN-code: 8680-9639

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Submitted 10 Nov 2023

Revised 22 Feb 2024

Accepted 10 Mar 2024

For citation

Gornostaeva Yu. A. Ispanskaya konkista kak kul'turnaya travma: legitimatsiya travmiruyushchego sobytiya v ispanskoy presse [Spanish Colonization as a Cultural Trauma: Legitimation of the Traumatic Event in the Spanish Press]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 3, pp. 5–14. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-5-14 (In Russ.)

Abstract. The article examines the process of legitimation of the conquest in the Spanish mass media political discourse. The study appears to be relevant due to the recent intensification of controversy surrounding the justification of Spanish colonization, as well as the process of delegitimization of this historical event in the Latin American media. The scientific novelty of the paper lies in that it provides an analysis of cultural traumatization and legitimation as interconnected sociological processes that are linguistically represented in the Spanish political media discourse. The study is carried out on the basis of written and oral discourse of Spanish politicians and public figures legitimizing this traumatic event. In the course of the work, it was established that the process of legitimation of the conquest is most clearly manifested at the stage of theorization of the object of legitimation aiming to objectify its adequacy and is implemented through the strategy of moral assessment and the substrategy of analogy: the unpleasant facts of Aztec imperialism are described, there are references to the British, Arab and Dutch conquests, the expediency of which is not questioned by society. Where the Conquest is rationalized with the use of a predictive substrategy and a result-oriented substrategy, there are indicated potential negative consequences of the absence of Spanish conquest as well as the benefits of civilization that appeared in the conquered territory after the arrival of the colonizers. At the promotion stage, a strategy of appeal to authority is implemented – there are presented opinions of authoritative political and public figures and historical figures legitimizing the conquest and denying all accusations as well as the need to apologize to the former colonies. At the stage of final rooting, the conquest becomes a habitual social context.

Key words: cultural trauma; traumatic event; legitimation; media representation; Spanish colonization.